

© 2013 г. М. А. КИСЕЛЕВ, Я. А. ЛАЗАРЕВ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРИЗРАК «УКРАИНСКОЙ ДИВИЗИИ»: К ВОПРОСУ О РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1706–1708 ГОДАХ

Концепт «Украинской дивизии» был создан в XIX в. историками Слободской Украины, использовался только для описания ситуации на Слободской Украине и исходил из реалий второй половины XVIII в. Источники первой половины столетия не упоминают о существовании «Украинской дивизии». В качестве возможного прототипа этой дивизии для историков Слободской Украины мог служить Украинский корпус. Однако он был создан уже после измены гетмана И.С. Мазепы и за некоторым исключением не включал в свой состав полков Гетманщины.

The concept of the «Ukrainian Division» was created in the nineteenth century by historians of the so called Sloboda Ukraine. This concept was used only to describe the situation in the Sloboda Ukraine and based on the realities of the second half of the eighteenth century. Sources from the first half of this century say nothing about this military unit. One might presume that historians in the Sloboda Ukraine confused it with the so called Ukrainian Corps, but it was formed after the treachery of Mazepa and, with few exceptions, did not include regiments from the Hetmanate.

Ключевые слова: история Украины, Украинское гетманство, И.С. Мазепа, реформы Петра I.

В письме 2011 г. в редакцию журнала «Славяноведение» [1] известный биограф гетмана И.С. Мазепы Т.Г. Таирова-Яковлева сделала ряд критических замечаний в адрес современных российских и украинских историков, затрагивавших отношения Гетманской Украины и Российского государства. Она считает, что напряженный фон российско-украинских отношений – особенно в рамках празднования юбилеев Полтавского и Конотопского сражений – накладывает «ответственность на историков за соблюдение профессиональной этики и деполитизацию истории». Однако, этот процесс, по мнению автора, осложняют два фактора: когда «судить об исторических событиях [...] позволяют себе люди, не имеющие исторического образования» и когда «профессиональные историки скатываются в болото популистских лозунгов» [1. С. 116]. Далее исследователь констатировала, что «из одного издания в другое продолжают кочевать избитые штампы и фактические ошибки». Таирова-Яковлева подвергла критике ряд российских и украинских исследователей – В.А. Артамонова, Г.А. Санина, А.В. Малова, И.Б. Бабулина, Ю.А. Мыщыка, А.Г. Сокирко. Особо стоит отметить замечания в адрес Малова и Бабулина. Первому было поставлено в вину то, что в комментарии к одной из ста-

Киселев Михаил Александрович – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Лазарев Яков Анатольевич – аспирант Уральского федерального университета.

тей Таировой-Яковлевой [2] историк «загрывает сферу, которая находится очень далеко от его профессиональных интересов». В отношении И.Б. Бабулина исследовательница прямо заявила, что историк «не знаком с историографией вопроса (по проблемам развития Гетманщины в середине XVII в. – М.К., Я.Л.)». В конце письма Таирова-Яковлева призвала своих коллег оставить «политику политикам, популизм – журналистам, а историческую науку – историкам» [1. С. 117].

В том же 2011 г. Т.Г. Таирова-Яковлева издала довольно объемную монографию «Иван Мазепа и Российская империя» [3]. Учитывая провозглашенные в упомянутом письме принципы, можно было предположить, что данная работа должна была явить образец академичности и беспристрастности, а также продемонстрировать высокий уровень анализа источников и историографии. Однако, даже беглое ознакомление с текстом монографии позволяет усомниться в следовании автором помянутым принципам.

Т.Г. Таирова-Яковлева явно предвзято подошла к оценке ближайшего окружения Петра I. Например, указывая на «факт» назначения в 1708 г. гвардейского майора В.В. Долгорукова, зачисленного ею в состав «новой волны» в окружении Петра I, «на Украине командиром», она без каких-либо ссылок на источники сразу же обнаруживает у него корыстные мотивы, которым мешала «автономия Украинского гетманства»: «Для них (“новой волны”. – Я.Л., М.К.) богатые украинские земли и города были заманчивой перспективой для личного обогащения» [3. С. 330].

В другом месте историк акцентировала внимание на следующих «реалиях» первой половины XVIII в.: «Факт малоизвестный, но почти все ближайшие соратники Петра (включая Меншикова) закончили свою жизнь либо в ссылке, либо на плахе [...] Одним из таких был [...] П.П. Шафиров» [3. С. 286]. Всю ошибочность этой фразы можно понять, если обратиться к известному исследованию Д.О. Серова, посвященному персональному составу государственного аппарата России первой четверти XVIII в. Если бы Т.Г. Таирова-Яковлева обратилась к этому научному труду, то обнаружила, что П.П. Шафиров, хотя и побывал в ссылке, окончил свою жизнь не на плахе, не в ссылке, а на посту президента Коммерц-коллегии [4. С. 80, 103]. Конечно, Таирова-Яковлева указала на судьбы А.Д. Меншикова и П.А. Толстого. Однако, их звезды закатились в результате придворной борьбы, а не из-за их «криминальной» деятельности. В тоже время вне поля зрения историка остались личности тех, кто был близок к Петру I, внес заметный вклад в осуществление его реформ и не «закончил свою жизнь либо в ссылке, либо на плахе». К их числу можно отнести генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса, генерал-прокурора П.И. Ягужинского, канцлера Г.И. Головкина, генерал-майора В.И. де Геннина, президента Камер-коллегии Г.И. Кошелева, сенатора и президента Штатс-контор-коллегии И.А. Мусина-Пушкина, сенатора и президента Юстиц-коллегии А.А. Матвеева и др.

В концептуальном плане особое место в книге Т.Г. Таировой-Яковлевой занимает глава «Реформы 1707 г.», в которой раскрывается основной конфликт гетмана И. Мазепы и «Российского государства». В начале главы Таирова-Яковлева ставит вопрос о взаимосвязи «“притеснений” со стороны российских властей при Мазепе» и петровских реформ 1720-х годов [3. С. 316]. При этом постановка вопроса у историка сопровождается некоторыми странными ошибками и нестыковками. В частности, она пишет о реформах, которые были предприняты Петром «сразу по окончании Северной войны, при верном и послушном гетмане И. Скоропадском». При этом «речь идет о введении резидентов (т.е. фактических наблюдателей) при гетмане, учреждении Малороссийской коллегии, по сути заменившей гетманскую администрацию, введении должности бригадира, новой системы налогов и, наконец, запрете избирать нового гетмана после смерти Скоропадского» [3. С. 316–317]. Даже если мы опустим вопрос о степени «верности» Скоропадского и доверия ему Петра, возникает следующая проблема: Северная война завер-

шила в 1721 г., а институт резидентов был введен в 1709 г. [5. С. 228–238; 6. Т. IX. Вып. I. С. 313–314.] Возникает также вопрос: что представляла собой введенная, согласно Таировой-Яковлевой, должность «бригадира»? Конечно, исследователям XVIII в. хорошо известен *чин* бригадира. По петровской «Табели о рангах» от 24 января 1722 г. бригадир относился к V классу [7. С. 56]. С.Л. Вельяминов, который в 1722 г. имел военный чин бригадира, при создании Малороссийской коллегии по указу от 16 мая 1722 г. был назначен на должность президента этой коллегии. Указание Т.Г. Таировой-Яковлевой на введение «должности бригадира» свидетельствует, что историк слабо представляет разницу между *чином* и *должностью*. И это не единственная подобная ошибка в монографии. Например, оберинспектор Ратуши А.А. Курбатов был превращен в «обер-прокурора» [3. С. 285], а киевский воевода Д.М. Голицын в 1707 г. «стал» губернатором [3. С. 327].

Таким образом, указанные примеры, которых можно было привести и больше, заставляют усомниться в точности и объективности изложенного Т.Г. Таировой-Яковлевой материала. Более того, это подталкивает к определенной перепроверке сведений, приводимых историком, что, в свою очередь, может привести к неожиданным выводам.

В главе «Реформы 1707 года» Т.Г. Таирова-Яковлева упоминает о назначении Петром I гвардии майора В.В. Долгорукова на «Украину» в качестве некоего военного «командира», что было, по ее мнению, «показательным фактом» вмешательства российской администрации во внутренние дела Гетманщины. Историк пишет: «Не менее показательным является и факт назначения Петром майора Преображенского полка В.В. Долгорукого в мае 1708 года “быть со всеми москвичи, с столниками, с стряпчими, з дворяны, и с царедворцы, и со всеми городовыми и всяких чинов ратными людьми, и с конными драгунскими, и с пешими салдацкими, и з слободскими черкасскими, и с кумпанейными полками, и гетманскими многими региментами на Украине командиром”» [3. С. 329–330]. При этом Таирова-Яковлева к этой цитате о назначении Долгорукова «командиром» не дает никаких комментариев. В результате у читателя складывается впечатление, что некий гвардейский майор (даже не полковник или генерал) оказался командующим над всеми войсками на Украине, включая и войска Гетманской Украины.

Действительно, 12 апреля 1708 г. (а не в мае, как пишет Т.Г. Таирова-Яковлева) майору В.В. Долгорукову было дано от Петра I приказание отправиться «на Украину, где обретаетца Бахметев» [8. С. 193]. Стольник С.П. Бахметев в конце 1707 г. был направлен из Москвы с отрядом в 300 человек для борьбы с восстанием К. Булавина. Помогать стольнику «чинить над теми ворами» должны были полковник Острогожского полка (Слободская Украина) Иван Тевяшов с «полку ево с старшинами и с казаками» и «с Воронежа от адмиральтейских дел» полуполковник Рыкман «с пехотным полком» [8. С. 153]. В связи с этим Бахметеву следовало «идти [...] в Острогожской или на Воронеж. А ис тех мест в те места, где те воры явятца, и над ними чинить промысл и переловить» [8. С. 154]. Уже в марте 1708 г. Бахметев должен был передислоцироваться «из Острогожска в Танбов» [8. С. 173]. Таким образом, в апреле 1708 г. Долгоруков был отправлен командовать войсками не на Гетманской Украине, а на Слободской.

Накануне назначения В.В. Долгорукова 6 апреля 1708 г. П.П. Шафиров из Посольского приказа сообщал Войску Донскому, что против «вора Булавина» из Москвы посылаются «многое число ратных людей, конных и пеших. Також и из воинского походу из Литвы в помощь к ним посланы несколько драгунских полков, которые за излишком были». Кроме того, «против них же велено итти з Белгородским Розрядом и с слободскими полками ближнему нашему стольнику и воеводе князю Дмитрею Михайловичу Голицыну с товарищи, которому в случение велено послать и подданному нашему гетману Ивану Степановичу Мазепе несколько компанейских своих полков» [8. С. 181]. Нарисованная вну-

шительная картина похода против восставших должна была укрепить боевой дух оставшихся верных Петру донских казаков, а также устрашить восставших. В реальности правительственные силы выглядели менее внушительно. Долгоруков, кроме отряда С.П. Бахметева, должен был получить под свою команду 400 драгун «с Воронежа», драгунский и пехотный полки «с Москвы», «Шидловского со всею бретадою, также из Ахтырского и Сумского полков. К тому ж дворянам и цередворцам всем и протчим, сколько возможно сыскать на Москве конных» [8. С. 193].

Для борьбы с К. Булавиным Петр I собирал все наличные силы. В связи с этим 12 апреля 1708 г. царь отправил два письма в «Малую Россию». Первое предназначалось киевскому воеводе Д.М. Голицыну, в котором сообщалось, что «получили мы ныне ведомости, что вор Булавин явился на Украине около Танбова [...] Того ради отравили господина маеора Долгоруково с несколькими полками». Петр I указывал Голицыну: «И ты от себя в прибавку из Ахтырского и Сумского полков по половине з добрым камандиром. И вели тому командиру быть у него, господина маеора, под кумандою» [6. Т. VII. Вып. I. С. 132]. Схожее послание было направлено и гетману И.С. Мазепе: «Вор Булавин явился около Танбова и уже многой убыток воровством своим учинил, того ради изволте нарядить и послать туды на Украину ис своих войск человек с тысячу, которых вернее, придав к ним доброво камандира. И прикажи оному, чтоб он был послушен господину маеору Долгорукому, которой туды от нас отправлен с полками» [6. Т. VII. Вып. I. С. 134]. Таким образом, самое большее, на что мог рассчитывать Долгоруков со стороны гетмана Мазепы, было получение под свою команду тысячи человек. Показателен в связи с этим ответ Мазепы Петру. В письме от 1 мая того же года он сообщил, что «еще прежде получения [...] указу, як скоро проведаль я о бунтовщику Булавину, [...] того ж часу, по должности уряду моего [...] для промыслу над ним ординовал туды полк Полтавской и полк компании». Мазепа приказал полковникам «з полками их ити до Белагорода в совокупление» с российскими отрядами и «по совету и приказу коммендиера тамошнего воинский о поиску того бунтовщика чинити промысл». В связи с этим Мазепа отписал царю, что он отправил «ординанс» компанейскому и полтавскому полковникам, «чтобы там, повинаяся в всем [...] господину майору, по приказу и совету его верно [...] чинили над Булавином промысл» [6. Т. VII. Вып. I. С. 572–573]. Таким образом, в распоряжении гвардейского майора В.В. Долгорукова должно было оказаться довольно пестрое воинство, включавшее в том числе два слободских полка в половинном составе из ведомства киевского воеводы и два «малороссийских» полка из ведомства гетмана, которые к этому времени и так были отправлены на подавление восстания.

12 мая 1708 г. В.В. Долгоруков прибыл в Воронеж. Будучи там, помимо военных приготовлений, он отправил «на Дон, в Черкасской и на Хапер во все городки, к атаманам и к казакам увещательные письма» [6. Т. VII. Вып. II. С. 679]. Собственно, Т.Г. Таирова-Яковлева и привела цитату из такого «увещательного письма», в котором Долгоруков «объявлял» донским казакам, что ему «велено [...] быть со всеми москвичи, с столники, с стряпчими, з дворяны, и с царедворцы, и со всеми городовыми и всяких чинов ратными людьми, и с конными драгунскими, и с пешими салдацкими, и з слободскими черкасскими, и с кумпанейными полками, и гетманскими многими региментами на Украине камандиром» [6. Т. VII. Вып. II. С. 681]¹. Данная фраза, равно как и грамота из Посольского приказа от 6 апреля 1708 г., была частью правительственной агитации, направленной на то, чтобы испугать и впечатлить донских казаков. Стоит отметить, что агитация имела определенный успех. Среди донских казаков стали распространяться слухи о больших правительственных силах. 2 июня 1708 г. Долгоруков сообщал из Острогожска

¹ У Т.Г. Таировой-Яковлевой ссылка ошибочно дана на V том [3. С. 463].

Петру I об успехе «увещательных писем»: «И сказывал мне черкашенин, что казаки зело опасаютца нашего приходу и не смели того моего письма распечатывать (с которого я послал до вашего величества копию), а хотели послать прямо в Черкаской, и спрашивали его, где я и много ль со мною полков. И он им сказал, что пришел я в Острогжск и ратных людей со мною много и еще де ис Москвы идут. И потом учинили они круг и советовали, и то письмо распечатали и прочли, и прочет то письмо зело стали быть радостны и взяли священника и служили молебен и говорили, чтоб им быть вашему величеству в верности непоколебимо. И то письмо послали того часу по всем городкам и до Черкаского. А у себя оставили список» [8. С. 254]. Похоже, что агитация Долгорукова смогла повлиять не только на донских казаков, но и на некоторых историков.

Таким образом, если мы выйдем за пределы взятой Т.Г. Таировой-Яковлевой вне контекста цитаты, то окажется, что «украинское» назначение В.В. Долгорукова не имело никакого касательства к петровским «реформам» Гетманщины, а относилось к одному из эпизодов борьбы с восстанием К. Булавина.

Очевидно, что Т.Г. Таирова-Яковлева не догадывалась об агитационном характере цитаты из «Писем и бумаг» и воспринимала ее как реальный указ Петра I. Однако, если исходить с позиции реальности этого «указа», то при прочтении главы «Реформы 1707 года» из упомянутой монографии Таировой-Яковлевой может возникнуть ощущение некоторой недосказанности: с одной стороны, этот «указ» предполагал радикальную реформу гетманского войска, с другой стороны, исследовательница больше ничего не пишет ни о последствиях «указа», ни о его реализации и не дает никаких комментариев. Скорее всего, она взяла данную цитату уже в готовом виде из работ современных украинских историков, которые ей должны быть хорошо известны².

В современной украинской историографии данная цитата о «командирстве» В.В. Долгорукова активно связывается с таким феноменом, как «Украинская дивизия», которая рассматривается как особое воинское формирование, представлявшее угрозу традиционному военному устройству Гетманской Украины. По мнению украинских историков (А.Г. Сокирко, Т.В. Чухлиб) [9–12], «Украинская дивизия» была создана в 1706 г. Собственно, в качестве единственного документального свидетельства ее «существования» и используется разобранная цитата из агитационного письма об якобы огромном войске под командованием В.В. Долгорукова. Что же касается года возникновения «Украинской дивизии», то украинские историки ссылаются на работу Е.М. Апанович 1969 г., посвященную вооруженным силам Украины первой половины XVIII в. [13].

В данной монографии историк указала на некий царский указ 1706 г., который закрепил «самодержавно-бюрократическую систему военного руководства на Украине». Согласно этому указу «была сформирована Украинская дивизия, куда вошли все казацкие полки Левобережной и Слободской Украины». Командование над ней «возлагалось на генералов царской армии». В результате этого «усилилась зависимость гетманского правительства от царского, а казацкое войско переходило в непосредственную компетенцию царского командования» [13. С. 11]. Важно отметить, что этот указ приводился без каких-либо ссылок на источники или даже исследования. Однако, далее в тексте Е.М. Апанович упоминала, что «с 1700 г. слободские полковники были переданы в подчинение бригадиру, который подчинялся царскому генералу – командиру Украинской дивизии» [13. С. 13]. При этом историк ссылалась на работу Е.А. Альбовского по истории Харьковско-слободского полка [14].

Если мы обратимся к исследованию Е.А. Альбовского, вышедшего в 1895 г., то прочитаем следующее. «В пределах слободских полков в 1709 г. была располо-

² Например, она ссылалась на [9].

жена на квартирах целая дивизия русских войск под начальством Апраксина; ему подчинены были также и все слободские полки; военными и гражданскими делами их с этого времени начали заведывать русские генералы, начальники дивизии, называвшейся по месту своей стоянки «Украинскою»» [14. С. 111]. Источником приведенных фактов для Альбовского служила книга П. Головинского о слободских казачьих полках [15].

П. Головинский в свою очередь отмечал, что после «Полтавского сражения в Слободских полках расположена была на квартирах дивизия русских войск под начальством Петра Матвеевича Апраксина, которому велено было, командуя Слободскими полками по военной части, заведывать и гражданскими их делами. Это право, по 1734 год, постоянно принадлежало начальникам дивизии, квартировавшей на Украине и потому называвшейся Украинскою» [15. С. 147]. Указанные сведения Головинский взял из книги Н.В. Гербеля о Изюмском слободском полке [16].

Обращение к исследованию Н.В. Гербеля показывает, что историк относил к «Украинской дивизии» только Слободские полки. Автор отмечал, что «во время Полтавского сражения, Слободские полки, за исключением Острогожского [...] расположены были на границах своих земель, смежных с Гетманщиной». Уже после Полтавского сражения «Изюмский полк, вместе с другими Слободскими полками, вошел в состав украинской дивизии, вверенной Петру Матвеевичу Апраксину, соединившему в себе власть военную и гражданскую, как дивизионный генерал и губернатор» [16. С. 54]. Отметим, что Гербель, в каком-то отношении закладывая традицию для будущих исследователей «Украинской дивизии», ссылался на сочинение другого историка, а не на источники.

Этим историком был И.И. Квитка, который в 1812 г. напечатал краткий обзор истории Слободских полков по 1766 г. [17]. Квитка писал, что «по совершенном разбитии в 27-й день июня на полях Полтавских Шведской армии» Петр I «оставил под командою князя Репнина в Малой России пятнадцать полков, указав оные полки расположить на квартирах во всей малой России, а в Украинской дивизии определен Главным Командиром [...] Петр Матвеевич Апраксин, у котораго в главной команде находились Слободские полки; и он командуя оными по воинской части имел в сих полках власть по гражданской как Губернатор» [17. С. 12]. Сам Квитка, к сожалению, не давал каких-либо ссылок на источники своей информации.

Тем не менее, становится очевидным, что: 1) все сведения о возникновении «Украинской дивизии» у дореволюционных авторов опираются только на сочинение И.И. Квитки; 2) Квитка, как и его «последователи», «Украинскую дивизию» связывали исключительно с полками Слободжанщины, а не Гетманской Украины; 3) в качестве времени создания данного военного формирования указывался 1709 г.; 4) Квитка, описывая полномочия «главного командира» «Украинской дивизии» П.М. Апраксина, не упоминал об изменениях, связанных с первой губернской реформой Петра I.

Следует отметить, что в аутентичных источниках первой половины XVIII в. такого понятия как «Украинская дивизия» мы не встречали³. Однако, в источниках первой половины XVIII в. можно найти такое понятие как «Украинский корпус».

³ По крайней мере, такое понятие отсутствует в «Письмах и бумагах императора Петра Великого», в «Докладах и приговорах, состоявшихся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого», в «Полном собрании законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленном» [18], в бумагах Военной коллегии [19. Ф. 2. Оп. 10], в документах Правительствующего Сената [20. Ф. 248. Оп. 29]. Мы будем только рады, если кто-либо попытается опровергнуть данное наше наблюдение. Конечно, для этого потребуется обращение к архивным документам. Даже если наш вывод не удастся опровергнуть, полученные данные могут оказаться интересными сами по себе.

Обращение к журналам Военной коллегии показывает, что «Украинский корпус» появляется примерно весной-летом 1722 г. как специальное формирование, созданное для прикрытия южных границ Российской империи от нападения турок и татар. Командиром над ним был назначен М.М. Голицын. Ему были подчинены драгунские полки, пехотные батальоны, слободские и чугуевские казаки, калмыки, а в дальнейшем – полки ландмилиции [19. Ф. 2. Оп. 10. Д. 1. Л. 16об.–17, 25–25об.]. Имеющиеся архивные документы показывают, что на начальном этапе создания «Украинского корпуса» существовала некоторая неопределенность в статусе ее командира.

Одновременно с корпусом под командованием М.М. Голицына на территории Слободской Украины и Воронежской губернии находились драгунские полки И.Б. Вейсбаха. Эти подразделения первоначально планировалось отдать под команду киевского генерал-губернатора И.Ю. Трубецкого, но по настоянию Вейсбаха это решение было отменено «устным» указом Петра I [19. Ф. 2. Оп. 10. Д. 1. 322, 434об.–435]. Также по донесению Вейсбаха Сенат издал указ «белгородскому воеводе», по которому в случае необходимости и по вейсбаховскому требованию слободские полки могли быть определены под команду немецкого генерала [20. Ф. 248. Д. 1888. Л. 441об.]. К сожалению, не представляется возможным определить, как на практике выстраивались отношения Вейсбаха и Голицына. Однако, можно сказать, что к 1724 г. Вейсбах служил «в Украинском корпусе» [19. Ф. 2. Оп. 10. Д. 17. Л. 169об.].

Отметим, что к территории Гетманской Украины «Украинский корпус» имел довольно опосредованное отношение. Лишь некоторые драгунские полки могли располагаться на «зимние квартиры» на территории региона [19. Ф. 2. Оп. 10. Д. 2. Л. 220об., 224]. В некоторых случаях провиант и фураж на драгунские и ландмилицкие полки мог браться из доходов Малороссийской коллегии; а также с казачьих полков Гетманской Украины за «денежную заплату» или за вычетом из жалованья [19. Ф. 2. Оп. 10. Д. 17. Л. 169об.–170]. В основном же «корпус» обеспечивался провиантом из Воронежской и других губернских провинций Российской империи [19. Ф. 2. Оп. 10. Д. 2. Л. 224; Д. 59. Л. 100]. Только в 1723 г., после «отмены» гетманства, М.М. Голицыну было временно поручено общее командование над полками Гетманской Украины [18. С. 52–53].

Приведем роспись «Украинского корпуса», отправленную из Сум 13 июля 1733 г. Э.И. Бирону князем А.И. Шаховским, который в 1733 г. заступил на должность временно исполняющего обязанности командира этого подразделения.

Из росписи следует, что А.И. Шаховскому было поручено иметь «каманду над генералитетом с полками», в том числе над «генералом маэром Шуваловым и бригадиром и крепости Святыя Анны камендантом Заезерским с четырьмя пехотными и двумя командированными да одним конным казацким полками», «генералом маэром и белгородским губернатором Стрекаловым з белгородским гарнизонным полкам», «генералом маэром Фоншпигелем, в ево ведении драгунских три», «генералом маэром Гендерехтом с лантмилицкими полками, конными девятью пехотными, двумя», «генералом маэром Гейным с лантмилицкими полками конными пятью, пехотными двима, да малороссийской компанейской полк», «генралом маэром от фортификации Дебринием с инженерными афицеры и кондукторы», «полковником Чебышовым с лантмилицкой канцеляриею», «генералом маэром Таракановым, которой обретаецца в Царицыне з драгунскими и пехотными на Царицынской линии и на Черемшанском форпостах полками» и другими более мелкими подразделениями. [20. Ф. 11. Оп. 1. Д. 485. Л. 59–60]. Данное подробное расписание не обнаруживает никакой «Украинской дивизии».

Стоит отметить, что «Украинская дивизия» как реальное военное формирование действительно существовала, однако не в первой половине XVIII в.,

а во второй: она была создана в 1763 г. [21. С. 339]. Как написал об этом А.Ф. Шафонский в 1786 г., 10 ноября 1764 г. «по Всевысочайшему именному указу, учреждена в Глухове Малороссийская коллегия, в которой президентом, всего края генерал-губернатором и Малороссийских козацких, Запорожских козаков и Украинской дивизии главным командиром велено быть тогдашнему генерал-аншефу и Кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцову» [22. С. 98].

В то же время показательное молчание И.И. Квитки относительно влияния первой губернской реформы Петра I на Слободжанщину. Для современников Петра I это было очевидно. Например, как отмечал И.К. Кирилов, слободские полки «были под ведомством в Розряде, а потом с [1] 710 году в Киевской и Азовской губерниях, а с [1] 719 году в Белгородской провинции, а ныне с [1] 726 году подчинены Военной коллегии» [25. С. 179].

Таким образом, в описании И.И. Квитки создание «Украинской дивизии», подчиненной некоему «главному командиру», соответствовало скорее логике назначения П.А. Румянцева, нежели реалиям петровского времени. Следовательно, сочинение И.И. Квитки не стоит рассматривать как источник для серьезных реконструкций, которые могут опираться только на аутентичные источники; в нашем случае – это документы первой четверти XVIII в.

Учитывая приведенный критический анализ дореволюционной историографии, можно прийти к следующим выводам в отношении пассажей Е.М. Апанович об «Украинской дивизии». Она не опиралась на источники, а следовала за историографической традицией XIX в., восходящей к сочинению И.И. Квитки. Маркером, указывающим на эту преемственность, является само понятие «Украинская дивизия». Более того, Апанович искажала сведения дореволюционной историографии. Если ее «предшественники» связывали создание «Украинской дивизии» только со Слободской Украиной, то историк произвольно включила в ее состав полки Гетманской Украины. Что же касается датировки «указа» о создании данного воинского формирования 1706 г., то, скорее всего, это стало результатом опечатки или описки.

Таким образом, современная украинская историография некритично использует сведения об «Украинской дивизии», позволяя этому призраку жить самостоятельной жизнью и влиять на российско-украинские отношения первой четверти XVIII в. В связи с этим удивителен тот факт, что со времени выхода книги Е.М. Апанович ведущие историки не предприняли попытку проверить или уточнить ее наблюдения, а приняли на веру приводимые без ссылок сведения. На этом основании логично задаться вопросом: с чем связано подобное отсутствие критического подхода?

По нашему мнению, это связано со стремлением объяснить измену И.С. Мазепы исключительно тем, что российская администрация вмешивалась в прерогативы гетмана, в том числе и в военной сфере, не оставляя престарелому гетману другого выбора для защиты «украинской» автономии. Однако, упоминание об «Украинской дивизии» в качестве формирования, якобы объединявшего полки Гетманской и Слободской Украины, должно было оставить гораздо больше свидетельств, чем два «упоминания», которые оказываются недостоверными. Обращение же к материалам первой четверти XVIII в. не обнаруживает никаких следов такой «Украинской дивизии». Более того, есть факты, которые показывают, что подобное ограничение полномочий гетманов в военной сфере отсутствовало.

Гетманы следили, чтобы их прерогативы как начальников над «малороссийским войском» не нарушались. Считалось, что гетман подчинялся распоряжениям царя и Посольского приказа. В случае же вмешательства «великороссийских» персон, не имевших соответствующих полномочий от царя, гетманы довольно

негативно воспринимали такие факты. Согласно воспоминаниям Ф. Орлика, гетман И.С. Мазепа был недоволен тем фактом, что А.Д. Меншиков без гетманского ведома отправил приказы компанейскому полковнику А. Танскому: «Каждый день князь Александр Данилович со мной видится, каждый час со мной совещается, и, не сказав мне ни единого слова, без моего ведома и согласия посылает приказы людям моего регимента! И кто же выдаст Танскому без моего указа месячные деньги и провиант, и как он может без воли моей идти куда-нибудь с полком своим, которому я плачу?» (цит. по [3. С. 283]). В то же время киевский воевода Д.М. Голицын, готовивший Киев к обороне от шведов в 1708 г., не мог получить работников от гетмана, столь нужных для укрепления Киево-Печерской крепости, без санкции царя. Кроме того, Мазепа имел под своим командованием российские регулярные войска. В частности, весной 1707 г. Петр I сообщил Мазепе, чтобы он изволил «отдать сему посланному пехотный полк Гулцов [...] А вместо того полку отправлен к вам будет другой полк с Лук Великих Стубелской. А для достройки Печерской крепости к господину Голицыну изволь дать из Малоросиского народу работников сколько мочно, и о том надобно согласитца с ним, и чтоб ту крепость возможно было сим летом совсем совершить» [6. Т. VII. Вып. I. С. 155]. При этом исполнительность гетмана иногда оставляла желать лучшего [6. Т. VII. Вып. II. С. 671–672; 24. С. 347–348].

Важно отметить, что схожие эпизоды мы можем найти и в гетманство И.И. Скоропадского. Из письма 1711 г. Д.М. Голицына подканцлеру П.П. Шафирову следует, что гетман серьезно жаловался Г.И. Головкину на киевского воеводу. Последний, по мнению Скоропадского, без гетманского ведома арестовал бывшего «мазепинца» А.Ф. Кандыбу, а также отдал под команду полковнику Изюмского слободского полка Ф.В. Шидловскому «заднепровских полковников». В связи с такой ситуацией Голицын был вынужден подробно оправдываться: «Понеже изволил ко мне ныне писать господин граф Гаврила Иванович (Головкин. – М.К., Я.Л.) по доношению господина гетмана о Кандыбе, якобы он взят без его ведома, а изветчик будто освобожен. И я о том Конбыбе прежде сего ему, господину графу, доносил и к нему, гетману, и к Измайлову писал, что перенять лист как он списывался з запорожцами и словесно к ним приказывал. И во знак послал я с того перенятого писма к нему, господину графу, список, на что изволил он ко мне писать, чтоб ево держать за караулом [...] А изветчик Жданович был за караулом же, и по отъезде моем в Корачов по ево челобитью освобожен он на время на поруки, и взят был он, изветчик, в Глухов. И писал ко мне господин Измайлов, что, в чем взят был, вины ево никакой не явилось [...] А что он же, господин гетман, напоминает на меня, якобы ево regimentу заднепровских полковников отдал под команду Шидловского, и я тому Шидловскому под команду их не отдавал, а написал ему в статьях, и дал ему указы, которые велел ему иметь при себе, тако и приказывал ему на словах – ежели он увидит шатость между малороссийским народом, тогда б он указы отослал к ним, полковником, дабы они с ним случились [...] а кроме того, *ни в которые гетманские дела я не вступал и ныне не вступаю* (выделено нами. – М.К., Я.Л.), и имею к нему всегда любовь и ласковое обхождение, как надлежит» [25. С. 217–218].

Приведенные эпизоды показывают, что гетманы следили за своими полномочиями и не знали никакой «Украинской дивизии». Только после первой «отмены» гетманства, в 1723 г. полки Гетманщины на некоторое время были подчинены российскому генерал-фельдмаршалу М.М. Голицыну.

Таким образом, причины измены И.С. Мазепы следует искать не в создании некой «Украинской дивизии», а в иных аспектах российско-украинских отношений и раскладе сил в регионе на 1707–1708 гг. Более того, при поиске таких причин важно задавать себе в качестве цели не оправдание определенного исторического персонажа, а честное занятие ремеслом историка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Письмо в редакцию // Славяноведение. № 2. 2011.
2. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Иван Выговский // Единорог: материалы по военной истории Восточной Европы. М., 2009. Вып. I.
3. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М.; СПб., 2011.
4. *Серов Д.О.* Администрация Петра I. М., 2007.
5. Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским. Ч. 2. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. М., 1859. Кн. I. Отд. II.
6. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. I.
7. Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4.
8. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды историко-археологического института Академии Наук СССР. М., 1935. Т. XII. Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи.
9. *Сокирко О.Г.* Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. Київ, 2006.
10. *Сокирко О.Г.* Українське козацьке військо в період Північної війни 1700–1721 рр. та організаційних реформ 30–60-рр. XVIII ст. // Історія українського козацтва (нарис у двох томах). Київ, 2006. Т. I.
11. *Чухліб Т.В.* Козаки і монархи: міжнародні відносини ранньомодернової Української держави 1648–1721 рр. Київ, 2009.
12. *Чухліб Т.В.* Секрети українського полівасалітету: Хмельницький – Дорошенко – Мазепа. Київ, 2011.
13. *Апанович О.М.* Збройні сили України першої половини XVIII ст. Київ, 1969.
14. *Альбовский Е.А.* История Харьковскаго слободскаго казачьяго полка (1651–1765): с приложением карты слободских полков. Харьков, 1895.
15. *Головинский П.* Слободские козацькі полки. СПб., 1865.
16. *Гербель Н.В.* Изюмский Слободской казачий полк (1651–1765). СПб., 1852.
17. [Квитка И.И.] Записки о Слободских полках: с начала их поселения до 1766 года. Харьков, 1883.
18. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. Т. 7.
19. Российский государственный военно-исторический архив.
20. Российский государственный архив древних актов.
21. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958.
22. *Шафонский А.Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малыя России, из частей коей оно наместничество составлено. Киев, 1851.
23. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.
24. Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. М., 2009. Т. I (1700–1709 гг.).
25. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафировова: новые источники по истории России эпохи Петра Великого: в 3-х ч. СПб., 2011. Ч. I. 1706–1713.